

Қазақстан Республикасы мәдениет Министрлігі
Шығыс Қазақстан облысының мәдениет,
мұрағаттар және құжаттама басқармасы
Шығыс Қазақстан облысы мәдениет, мұрағаттар және құжаттама
басқармасының «Мемлекеттік мұрағаты» КММ

Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым Министрлігі
С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті

**«ҰМЫТЫЛМАС ҮШІН БІЛУ: ХХ ҒАСЫРДЫҢ
20-50і ЖЫЛДАРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ
ТОТАЛИТАРЛЫҚ БИЛІК ЖӘНЕ ХАЛЫҚ»
Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы
30-31 мамыр 2014 жыл**

*Материалы международной
научно-практической конференции
«ЗНАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ:
ТОТАЛИТАРНАЯ ВЛАСТЬ И НАРОД
в 20 - начале 50-х годов ХХ века»
30-31 мая 2014 года*

Министерство культуры Республики Казахстан
Управление культуры, архивов и документации
Восточно-Казахстанской области
КГУ «Государственный архив» управления культуры,
архивов и документации Восточно-Казахстанской Области

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова

Октябрь - Усть-Каменогорск, 2014

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

А-74

ГРГГИ 03

Бас редактор: Аубакиров А.А.

Редакция алқасының мүшелері: Ахметова Г.М., Жанбосинова А.С.,
Қазбекова А.Т., Рифель Л.П.,

Главный редактор: Аубакиров А.А.

Редакционная коллегия: Ахметова Г.М., Жанбосинова А.С., Казбекова А.Т., Рифель Л.П.

У50 «ҰМЫТЫЛМАС ҮШІН БІЛУ: ХХ ғасырдың 20-50і жылдардың басындағы ТОТАЛИТАРЛЫҚ БИЛІК ЖӘНЕ ХАЛЫҚ»: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы 30-31 мамыр 2014 жыл. Өскемен қ.: «Медиа-Альянс» баспасы, 2014 - 577 б.

Материалы международной научно-практической конференции: «ЗНАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ: ТОТАЛИТАРНАЯ ВЛАСТЬ И НАРОД В 20 - начале 50-х годов ХХ века» 30-31 мая 2014 года. Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. - 577 с.

ISBN: 978-601-7378-48-6

Конференция материалдары, ХХ ғасырдың 20-50-ші жылдары тоталитарлық жүйе кезеңіндегі саяси қуғын-сүргін тарихына, оның теориялық-әдістемелік және тұжырымдамалы мәселелеріне, ғылыми айналымға енгізілетін мұрағат материалдарын талдау және қайта ойлау сұрақтарына арналған. Ғылыми жинақта тоталитарлық жүйенің қалыптасу мәселелері, ұжымдастыру саясаты және орның салдары, жер аударулар және этникалық тазалау мәселелері бейнеленеді, қуғын-сүргіннің әдеттегі ахуалы және тоталитарлық тәртіп саясаты арқылы қаралған адам тағдырлары көрсетілген.

Материалы конференции посвящены истории политических репрессий в период тоталитарной системы в 20-50-х годах ХХ века, ее теоретико-методологическим и концептуальным проблемам, вопросам анализа и переосмысления архивных материалов, вводимых в научный оборот. В научном сборнике нашли отражение проблемы становления тоталитарной системы, политика коллективизации и ее последствия, депортации и этнические чистки, показаны человеческие судьбы в призме повседневности репрессий и политики тоталитарного режима.

ISBN: 978-601-7378-48-6

©Өскемен - Усть-Каменогорск, 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Предисловие</i>	7
<i>Шығыс Қазақстан облысы Әкімі Бердібек Машбекұлы Сапарбаевтың құттықтау сөзі</i>	11
<i>Абсеметов М.О.</i> «Архивные документы о великом голоде в Казахстане»	15
<i>Аубакиров А.А.</i> «Пусть буду жертвой за тех – кто является действительно виновным...».....	19
<i>Аманжолова Д.А.</i> «Этничность в сталинском СССР (1930-е гг.)»	27
<i>Аблажей Н.Н.</i> «Кампания внутренней передислокации спецпоселенцев в Казахской ССР в начале 1950-х гг.: не-реализованная директива»	37
<i>Абдрахманова К.К.</i> «История культуры повседневности советского человека в послевоенные годы (на примере городов Центрального Казахстана)»	49
<i>Айсанов Б.К.</i> «Сельское хозяйство на территории Карлага до коллективизации (по документам научного кабинета Карлага ОГПУ)»	64
<i>Аупенова А.У.</i> «Исторический анализ норм довольствия заключенных Карагандинского исправительно-трудового лагеря»	72
<i>Арипова Ш.Т.</i> «Мұрағат құжаттарындағы зұлматты жылдар айғағы»	87
<i>Билан С.А.</i> «Репрессии сталинского режима против работников сельского хозяйства Украины»	94
<i>Будзанивская Н.В.</i> «Отношения В.И. Вернадского и А.Ю. Крымского, как зеркало жизни интеллигенции в тоталитарный период»	107
<i>Булгакова О.В.</i> «Из истории развития исторической науки в Украине (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.)»	118

Беркут О.Е. «Архивные материалы о коллективизации (по материалам Государственного Архива Карагандинской области)»	128
Васильева О.А. «Теоретико-историографический аспект этнодепортационного репрессивного процесса (на примере калмыцких народов)»	134
Грибанова Е.М. «Заметки по поводу стратегии и тактики выживания в условиях государственной репрессивной политики»	150
Ершов М.Ф. «Власть и традиционная культура в творчестве Е.Д. Айпина»	161
Ефремова-Шершукова Н.А. «Основные тенденции и противоречия политики советской власти в отношении немцев Казахстана»	178
Жанбосинова А.С. «Человеческие судьбы в зеркале политических репрессий советской эпохи»	192
Жидченко А.В. «Быт и повседневная жизнь заключенных в начале 1950-х гг. (По материалам военизированных строительных отрядов омского Городка Нефтяников)»	209
Жириндинова К.Р. «Шығыс Қазақстандағы күштеу саясатының зардаптары: аштық және көші - қон»	224
Жанбосинова А.С., Казбекова А.Т. «Немцы Восточного Казахстана в контексте советской политики в 1940-1950-е годы»	237
Красильников С.А. «Охранительность как системная характеристика сталинского режима: к вопросу о роли и функциях репрессий в квазисудебной форме»	248
Кипаева А.Т. «Репрессии против интеллигенции в Казахстане»	257
Кабирова А.Ш. «Налогообложение сельского населения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Татарской АССР)»	269
Комиссарова И.А. «Прямые налоги в первые годы нэпа: государственная политика и плательщики (некоторые аспекты проблемы)»	279

<i>Красовицкая Т.Ю.</i> «Этнокультурный дискурс в революционном дизайне февраля-октября 1917 г.»	298
<i>Каражан К.С.</i> «Қазақ жастарының 50-70 жж. кеңестік тоталитарлық жүйеге қарсы наразылығы»	312
<i>Қадырова Л.Қ.</i> «Ж. Аймауытовтың Семейдегі кездері мұрағат құжаттары бойынша...»	319
<i>Құдайбергенова А.И.</i> «XX ғ. 20-30 жж. Қазақстан халқы (сандар сөйлейді)»	325
<i>Москаленская Д.Н.</i> «Пути адаптации бывших священнослужителей - «лишенцев» Западной Сибири в условиях постреволюционной эпохи»	336
<i>Малодов О.Б.</i> «Северное православное духовенство во второй половине 1940-х гг.: масштабы репрессий»	350
<i>Мухаметжанова Н.А.</i> «Ату жазасына кесілген жалғыз қазақ қызы - Шахзада Шонанова хақында»	359
<i>Мухаметжанова Н.А., Аманбекова Н.Д.</i> «Зыряндағы қазық »	368
<i>Мухометов К.Г.</i> «Годы трагедии и скорби»	375
<i>Омакеева Э.У., Борлықова Б.Х.</i> «Песенный фольклор и тоталитарное общество: на материале калмыцких песен до и после депортации (30-50-е гг. XX в.)»	387
<i>Психоматова А.Р.</i> «Тоталитарный режим в судьбе лидеров Баксанского мусульманского просветительского центра» ...	396
<i>Рифель Л.П.</i> «Трагедия сплошной коллективизации в документах Государственного Архива Восточно-Казахстанской (Области)»	401
<i>Рифель Л.П.</i> «Скорбь и горечь целого народа... (депортация населения с Северного Кавказа по материалам ГАВКО)» ...	420
<i>Рысбекова С.Т.</i> «Деятельность общественных организаций Казахстана в условиях командно-административной системы (20-30 гг. XX в.)»	430
<i>Смағұлова С.О., Бекназаров Р.А.</i> «XX ғ. 20-30 жж. дін мәселесіне қатысты кеңестік саясат»	446
<i>Салонен А.</i> «Финляндия азаматтары - сталиндік қуғын-сүргіннің құрбандары»	456

<i>Тепляков А.Г.</i> «Строитель Турксиба Владимир Шатов – неизвестные страницы биографии»	462
<i>Тлеубергенева С.И.</i> «Тоталитарный режим 30-40-годов ХХ века - в архивных документах и воспоминаниях очевидцев»	472
<i>Тлеубергенева С.И.</i> «Жизнь в депортации по материалам архивных документов Зырянского района»	484
<i>Халидулин Г.Х.</i> «Қазақ шаруаларының 20-30 жж. аштық пен демографиялық қасіреті»	500
<i>Хисамутдинова Р.Р.</i> «Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны»	520
<i>Ханипова И.И.</i> «Голод начала 1930-х гг. в Поволжье и детская беспризорность (на материалах Татарской АССР)»	539
<i>Щеглова Т.К.</i> «Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920-1940-х гг.: материал, технологии и типы по устным историческим источникам»	554
<i>Список авторов</i>	572

Щеглова Т.К.

АГПА, г. Барнаул, tk_altai@mail.ru

**ЖИЛИЩЕ РАСКУЛАЧЕННЫХ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ
В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ
1920-1940-х гг.: МАТЕРИАЛ, ТЕХНОЛОГИИ И ТИПЫ ПО
УСТНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ**

Устная история (oral history), как новая научная дисциплина, по мнению ряда историков, зародившись в 1930-1940-е гг., получила широкий размах в современной зарубежной и российской исследовательской практике. Нет ни одной страны, где бы отсутствовали национальные ассоциации или центры устной истории. При ведущих университетах, библиотеках, архивах за рубежом созданы устные архивы и исследовательские центры. Существует Международная ассоциация по устной истории, проводится один раз в 2 года Международный конгресс по устной истории. В России попытка создания сначала Всесоюзного, затем Всероссийского общества устной истории приходится на 1989-1991 годы. На современном этапе консолидирующий центр отсутствует, но создано несколько региональных центров (СПб, Москва, Воронеж, Барнаул, Братск, Новосибирск, Петрозаводск и др.)

В Барнаульском государственном педагогическом университете (ныне Алтайская государственная педагогическая академия) автором был создан сектор, а затем Центр устной истории при лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории. С 1990 г. проводятся ежегодные полевые исследования по устной истории крестьянства и алтайской деревни. (обследованы территории почти 30 сельских районов). Были разработаны и изданы методические материалы, вопросники и программы [1,2]. Автором впервые в России подготовлен и издан комплекс материалов для введения этой дисциплины в вузах – программа, учебник [3], хрестоматия или сборник устных исторических источников [5], монография [4]. В монографии автор

вводит устные исторические источники в научный оборот и предпринимает попытку их интерпретации. В 2006 г. была проведена Всероссийская конференция «Устная история (oral history): теория и практика» с целью консолидировать всех устных историков. В ее работе приняло участие большинство представителей существующих центров устной истории – Мемориал (А.Г. Козлова И.С. Островская), Петрозаводск (А.П. Голубев), Спб Европейский университет (Т.Ю. Воронова), Братск (Л.Ю. Салахова) и другие.

Устные архивы (oral archive) создаются с помощью документирования материалов научных интервью у участников и очевидцев исторических явлений, событий и процессов. Они существенно дополняют государственные архивы, а по отдельным темам являются им альтернативой. Архивы устных исторических источников могут быть тематическими, например, архив по Великой отечественной войне в центре устной истории при Воронежском университете; комплексным с самостоятельными подпроектами, например, «Блокада и блокадники» и «БАМ – проект века» в Центре устной истории при Европейском университете в Спб.

В Устном архиве центра устной истории АлтГПА, на протяжении более чем двадцатилетней работы, в ходе реализации различных проектов, в том числе и тематических, например, «Депортации и репрессии на Алтае», и комплексных, например, «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» [6], «Народы Алтая: история и культура» накоплен значительный материал по повседневной жизни советских людей в 1920-начале 1950-х годов. На сегодняшний день архив содержит 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и 978 часов цифровой записи, 4736 фотоснимков на фотопленке и 65212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи).

Для нас принципиальным является дифференцированный подход в рассмотрении социальных групп советского общества. Несмотря на объявленное формирование «единого советского человека» в 1970-е годы, социальный статус и материально-имущественные условия разных групп и категорий населения

отличались, особенно в сталинский период. Существовала разница между колхозниками (колхозно-кооперативный сектор с его трудоднями, отсутствием денег и паспортов) и «совхозниками» (государственный сектор); рабочими МТС и леспромхозов; учителями и колхозниками (как представителями интеллигенции и крестьянства со своими привилегиями и ограничениями) и т.п.

Одним из важнейших назначений устной истории является заполнение лакун или белых пятен в новейшей истории. К ним в советское время относились раскулачивание, репрессии, депортации и другие «кампании» репрессивной политики тоталитарного государства. Представленный в госхранилищах источниковый материал по этим проблемам довольно однотипен. Большинство дел репрессированных, раскулаченных, документы по депортированным написаны по единой схеме-шаблону, содержат минимальную однотипную информацию, отличаются, как правило, только фамилиями репрессированных. Конечно, они адекватно не отражают историческую реальность. О сфабрикованности большинства дел много писали историки, опираясь на письменную базу как неопубликованных, так и опубликованных документов. А вот условия жизни, повседневность, быт, система жизнеобеспечения в местах ссылки или депортации, судьбы семей, жизнь или положение разных категорий репрессированных с клеймом «врага народа» в обществе, их мысли, чувства, ощущения, как правило, мало отражаются в архивированных документах государственных фондохранилищ. Этот материал как раз содержится в создаваемых интервьюированием непосредственных участников или очевидцев исторических событий устных исторических источниках. Устные историки используют синонимы «Документы с человеческим содержанием», «Человеческие документы», «Взгляд изнутри» и т.д.

Гуманизация истории со стремлением историков реконструировать прошлое через человека, обращение именно к рядовому человеку, разным социальным группам советского времени все это открывает новые возможности для исследователей. Сейчас идет модернизация исторической науки и всех социогуманитарных наук, в последнее время все чаще обращаются к ли-

тропологии. Появились понятия «антропология академической жизни» - история, культура и быт академического сообщества, от академических институтов до региональных исследовательских сообществ. Появилось понятие «антропология советскости» - условия жизни, повседневная культура и быт советского человека, его ментальные установки, жизненные ценности и ориентации. В этом смысле можно говорить и об антропологии репрессированного общества. И если этот термин научно не корректно применять ко всему обществу, то антропология тех репрессированных групп, которые создавались в результате реализации репрессивных кампаний сталинского государства – «раскулаченные», «депортированные», «репрессированные», «ссылные» и т.п.

Применительно к повседневности разных категорий репрессированных можно обозначить разные проблемы и выбрать разные ракурсы изучения. В данной публикации антропология репрессированных сообществ рассматривается через культуру жизнеобеспечения репрессированных в экстремальных условиях. Инструментом выступает устная история, а источниками - материалы интервью, в которых содержится информация о повседневной жизни, быте, обустройстве жилой среды в местах высылки (ссылки), обеспечении репрессированных семей всем необходимым.

При этом мы учитываем, что для большинства репрессивных кампаний характерна именно семейственность – ссылки и депортации семьями. По мнению А. Рогинского и А. Даниэля, семейственность не являлся «юридическим новаторством большевиков», а «хорошо вспомненный старый опыт». Но особенно масштабные последствия репрессий по семейному принципу достигли в период раскулачивания. Как известно кулаки были поделены на три категории. Те, кого власть отнесла к первой, т.е. к «контрреволюционному активу», были арестованы, а затем расстреляны, или направлены в лагеря. Семьи же их предписывалось «выслать в северные районы Союза». Это была самая массовая в советской истории операция, направленная против членов семей репрессированных: ее жертвами стали сотни тысяч родственников арестованных крестьян. Что касается раскулачивания по вто-

рой и третьей категориям, то здесь репрессии изначально были направлены против всего крестьянского двора. «Высылали не жену и детей вслед за их раскулаченным мужем и отцом, а семью как таковую» [9: 7]. То же самое относится и к депортированным.

Это означало, что репрессированным необходимо было создать условия проживания в новых местах, часто на голом месте, для всех членов семьи, среди которых были и грудные дети, и престарелые. В семейных устных историях содержится много деталей и подробностей организации самой ссылки и жизни на указанном им месте. Материалы многочисленных интервью участников принудительных выселений и переселений показывают, что и раскулаченные крестьяне и депортированные немцы, калмыки и другие народы выселялись без средств к существованию.

Реконструкция условий водворения обращает к еще одной исторической проблеме – роли традиционной культуры, ее адаптационных свойств и актуализации народных знаний, умений, навыков по обеспечению жильем, посудой, одеждой, постельными принадлежностями, продуктами питания, лекарствами и другим необходимым для всех членов семьи в экстремальных условиях. Антропология репрессированной части общества – это мобилизация народного опыта, актуализация традиционной системы жизнеобеспечения и адаптационные возможности традиционной культуры. Система выживания насильственно выселенных крестьян на новых территориях решала такие проблемы, как обустройство в местах ссылки или депортации из сподручных средств, обеспечение питанием за счет традиционного собирательства, одеждой за счет домашнего ремесла, использование народной медицины, обращение к знахарству и т.д. В этом отношении можно говорить о своеобразном Ренессансе традиционной культуры и прежде всего, культуры жизнеобеспечения. Экстремальные условия жизни репрессированного сообщества, поставившие его в условия выживания, актуализировали традиционные навыки и умения крестьянской культуры. Были востребованы и традиции строительства жилища из дерна, глины, камыша и т.д. – землянухи, пластанки, топтонухи, литухи, плес-

тенки, саманухи и т.д. Актуализировались и знания народной медицины, и знания съедобных дикорастущих растений. Оказалось востребованным домашнее ткачество и рукоделие. Проблема адаптационных свойств традиционной крестьянской культуры является важной и в истории колхозного крестьянства, чья жизнь в условиях перманентной нищеты колхозно-кооперативного сектора практически всегда зависела от народного опыта и традиционной системы жизнеобеспечения. Особенно в годы Великой отечественной войны, когда и среди репрессированной, и среди не репрессированной части советского общества, особенно колхозного крестьянства главным в организации жизни семьи стала традиционная культура и системы жизнеобеспечения.

Обеспечение жильем и питанием являлось первой необходимостью в первоначальный период высылки на новое место. В этом отношении между депортированными народами, с одной стороны, и раскулаченными или репрессированными крестьянами Алтайского края, с другой стороны, существовали и сходство, и определенная разница.

Для раскулаченных и сосланных на север крестьян Алтая первыми жилищами были балаганы, шалаши, палатки, в прямом смысле сооружали «крышу над головой» из чего было. С.С. Нечаева, из раскулаченной казачьей семьи с. Верх-Алейки (Третьяковский район) рассказывала: «Везли нас на брочках и держали в каком-то сарае. Набитый был. Долго держали. А потом на моторках (баржи таскали) повезли в Новосибирск. Там 4 баржи стояли. Нас туда стюрили. Повезли и поселили на острова. А рядом была Парабель (Нарымский край). Сгрузили и жили на р. Томи в Пристанном поселке. Жили прямо под палатками (под ткаными плотными полотнами). А народу было! А палаток! Оправиться негде было. А мерли-то! Каждый день несли». И.А.Медведев (1912 г.р.) из с. Усть-Калманка рассказывал: «Всю семью... В Алейском в поезд посадили, до Томска в поезде мы... Из Томска - на баржу. Баржу большую подогнали, поезд подошел и всех на баржу посадили, пароход забуксовал и повез. Это увезли нас, где Колпашево, а от Колпашева - это Обь. Там они соединяются Обь и Кеть и все это. И мы плыли вверх по течению Кети, нас завезли

туда, там уже пароход дальше не пошел, да, в самый тупик. Высадили там, бор, лес, туды-сюды... Вообще ниче... Бор, лес и все. Вот эти палаточки, как знаешь, раньше жили. На сенокос поехал, палатку как цыган растянул, самотканую палаточку. Вот мать взяла ее туды, и мы под ей жили все лето. Так вот я трех сестер там похоронил, трое нас, осталось»».

Для депортированных немцев из Поволжья на Алтай и Казахстан условия были другие. Как известно, формально партийно-правительственные распоряжения для создания условий переселенцам были сделаны. В соответствии с постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года: «с использованием подготовленного переселенческого фонда, всех пустующих строений в сельских местностях и путем уплотнения населения. При отсутствии жилого фонда и хозяйственных построек в местах расселения произвести строительство домов силами переселяемых» [8: 233]. Подготовкой к приему переселенцев должны были заниматься руководители соответствующих краев и областей Сибири и Казахстана, но при ускоренных темпах власти не успевали создавать элементарные условия для жизни переселенных. Были использованы все пустующие помещения. К ним относились бараки, конторы, опустевшие по разным причинам жилые помещения: разместили «туда, у кого ... дома свободные были. Толи заставили людей, чтоб они освободили... По квартирам, у кого свободные комнаты были. Школы были. Вот старые школы в Савиново, туда нас выселяли» (М.Е. Йорк, с. Новая Чемровка) Некоторые информаторы(С.Д. Фликов, с. Сростки) говорят, что эти пустующие дома принадлежали раскулаченным: «...им давали кулацкие дома», «колхоз квартиры дал, где ... дома пустовали» (А.Г. Черникова, 1928 г.р., Зональный район) [4: 359].

Часть депортированных расселяли в нежилом фонде – сараях, яслях, школах. По воспоминаниям, семью А.К. Штарк (1937 г.р., с. Велижанка, Панкрушихинский район) разместили «дом был там, или контора была, или что не знаю. Туда поселили 6 семей». В Луговском (Зональный район) немцев поселили в яслях: «свалили нас в яслях в одну кучу. Прямо свалили как пни. Негде было. Прямо в яслях детей кормили. Исть хочим. А кто

нам что даст. Приходилось шибко трудно» (Мирный Зональный р-н Русскова Э.Ф., 1933 г.р.). В Восходе все депортированные немцы жили в бараках. Устные источники показывают, что были случаи размещения и в хозяйственных помещениях. Так, семья А.А. Цаберт (Маслова; с. Кривое, Панкрушихинский район) первую зиму жила в соломенном сарае вместе с коровой. Одним из путей обеспечения жильем было «уплотнение» семей местных жителей и вселение к ним депортантов. Семью Л.В. Любецкой в Новой Чемровке подселили к русской семье: «Мама жила с двумя детьми у Амалии Михайловны... Люди делились и кровом..., и едой» (Любецкая Л.В., 1950 г.р., п. Мирный). Старожил с. Сростки вспоминал: «Я домой прихожу. А у нас семеро ребятишек, да их двое. У нас жили на квартире года два, они в одной комнате, мы в другой... Их привезли и всё... Нас и дома никого не было... их привезли. Сгрузили и сказали, пусть они здесь живут...» (Новоскольников И.Г. 1925 г.р.) [4: 359]. М.Ф. Беккер говорила «Были семьи по 18-20 человек в одной комнате. Печка была, ни света, ничего, тогда не было. Вот в одном углу одна семья, в другом другая, в третьем – четвертая, еще одна семья на печке, одна между печкой и этой семьей. Вот мы жили 17 человек» [5: 159].

Лишь после адаптации на новом месте депортированные немцы начинали самостоятельно решать жилищную проблему. Как они сами об этом говорят: «По квартирам ходи, ни ходи, каждый себе хозяин, а мы под порогом. А потом выкопали себе землянку...» (М.Е.Крафт, 1927 г.р., с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район). Та же М.Ф. Беккер (1938 г.р.) рассказывала: «Потом жили в землянке, такая маленькая землянка была, такое маленькое окошечко, такая комната» Жители с. Велижанка, Панкрушихинского район рассказывают, в селе землянки стали появляться на краю, в концах улиц, их строили немцы. В с.Сростки (Бийский район) немцы «селились, у кого не было жилья, около Пикета [гора-увал около села], с той стороны - копали себе землянки, они долго жили там в землянках...» (И.Г. Новоскольников). В Соколово (Бийский район) депортированные калмыки проживали по правой стороне реки Уткуль. Этот район местные жители до сих пор называют «Шанхаем». Причинами такого названия

служила не только расовое сходство калмыков, но жилищные традиции – строили сообща индивидуальные и коллективные землянки- бараки: «Они у нас калмыки жили за речкой – «Шанхай». Дома были очень низенькими. И они строили бараками» (Е.И. Симонова, 1917 г.р). На Алтае во многих селах зафиксирована память о подобных деревенских «краях», везде именуемых одинаково – «Шанхай».

Второе отличие между раскулаченными крестьянами и депортированными народами состояло в том, что местами депортации основной части репрессированного населения были более благоприятные для проживания территории Западной Сибири – Алтайский край и Омская область, а также степная часть Новосибирской области и Северный Казахстан. Зоной высылки раскулаченных крестьян, наоборот, служили северные таежные заболоченные территории, мало пригодные для проживания и крестьянского труда. Это соответственно закрепило степную традицию жилищного строительства на юге Западной Сибири и Казахстана, даже среди той части депортированных, которые не владели ею. И у раскулаченных сибиряков - традиции срубного строительства. В суровых природных условиях с долгой морозной зимой, коротким сырым летом, наполненным гнусом, для раскулаченных крестьян важным было устройство достаточно теплого и прочного жилья. С одной стороны, для этого достаточно было вокруг леса в тайге, с другой стороны, и человеческие ресурсы, и технические у раскулаченных семей были ограничены. Вместе с тем, устные источники показывают, что раскулаченные крестьяне стремились в местах ссылки к срубному жилищу. Это вело к актуализации традиционных умений и навыков. Государство устранилось от решения проблем обеспечения жильем раскулаченных и депортированных.

Самым распространенным являлась «изба», «избушка» «избушонка». А вот ее варианты определялись строительным материалом. И они отличались у депортированных на юг Западной Сибири и Казахстан и у раскулаченных, высланных в таежные и заболоченные северные территории Сибири.

Лучшим, по словам раскулаченных, была деревянная изба.

И если не сразу, то рано или поздно старались выстроить срубные избы, которые имели небольшие размеры с маленькими окошками и печурками. Раскулаченные в местах ссылки старались рубить избы. В отличие от депортированных, как показывают устные свидетельства, проблем с лесом не было. Как правило, их высаживали из барж на берега (отправляли «на сивера» по рекам, с юга на север) прямо в тайгу. М.Ф. Хорошева (1924 г.р., Бураново, Тогул): «Деда сослали в Нарым с детьми (2 сына и 2 дочери). Дед работников не держал. Держал лошадей, коров. Дед плотник. А деда отправили зимой. Отправляли в Колпашевский район. Отправляли ночью всю семью. Отправляли на лошадях. Там корчевали лес и строили дома».

Проблема была с плотницкими инструментами - от топора, молотка до гвоздей. Вот как говорит о срубной избушке своего деда в Кривляке Туруханский район (позже Ярцевский) Красноярского края (Рис. 1), где они жили с мамой У.А. Успенской, Л.А.Соколова: «Как он ее срубил? Даже топора из дома не взяли. С узелками... Дед - Андрей Гаврилович Нескоромных, бабушка - Евдокия Акимовна с детьми - моей матерью Устиньей Андреевной и младшим сыном ... Выслали из Петровки под Славгородом... 15 детей было. Какие кулаки? Дом саманный имели, глиной помазан и пол, и потолок, и на чердаке.. И раскулачили... Как он лес рубил? В-о-о-о-от такие бревна были... Как он их закатывал. Один ведь. Потому и парализовало. Семь лет пролежал... Всю войну. Помер уже в 45-м. Вши заедали. Все просил нас с сестрой Верой чтобы побии вшей... А у него их!? И платяные, и нательные... А в ширинке?! Ой-ёёёй! Жирные торчат... Как он бедный терпел... Под ним маленький матрасик, махонький был. Он нас все уговаривал бить вшей... А нам надоедало. «Помру, Вам матрасик оставлю. Только вшей побейте...».

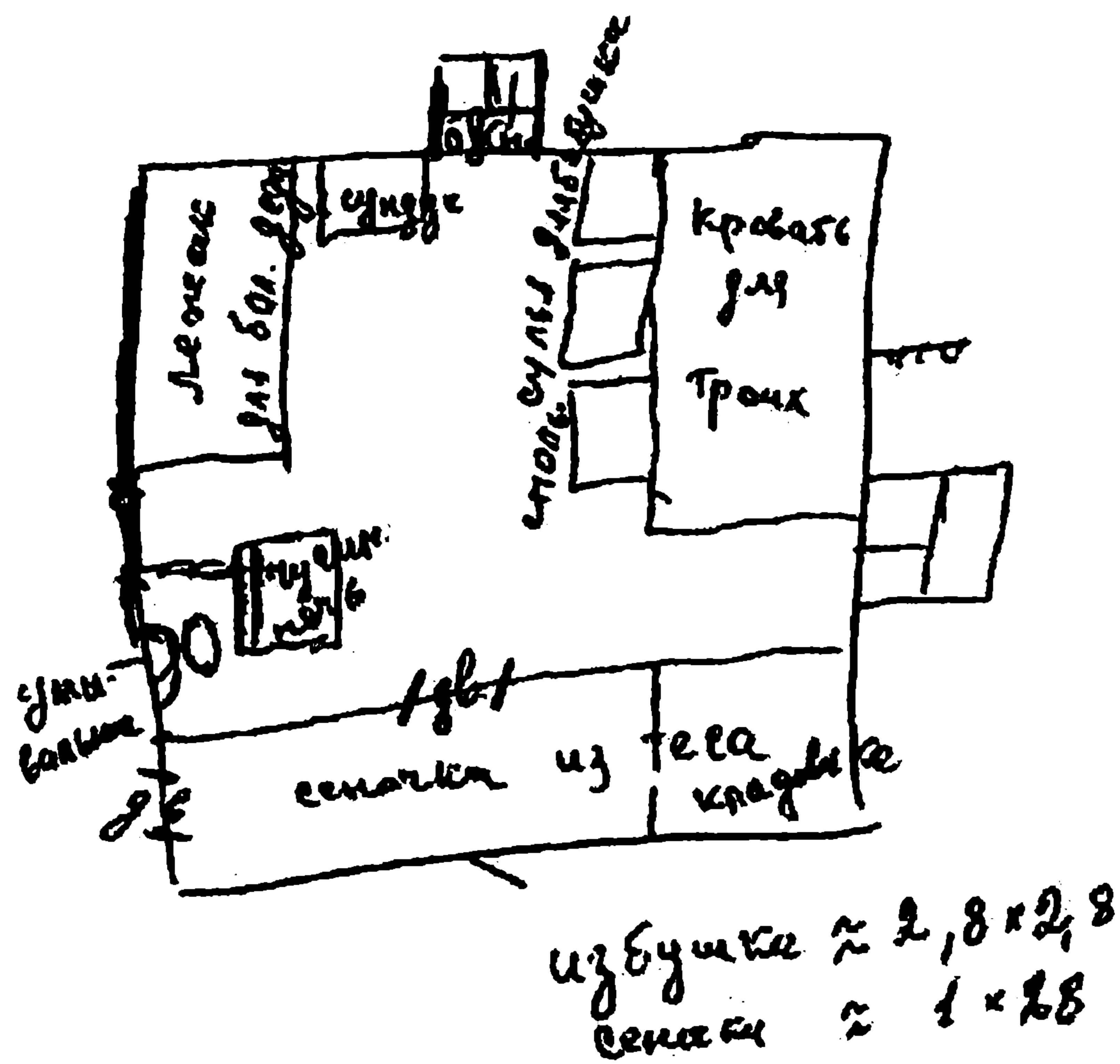
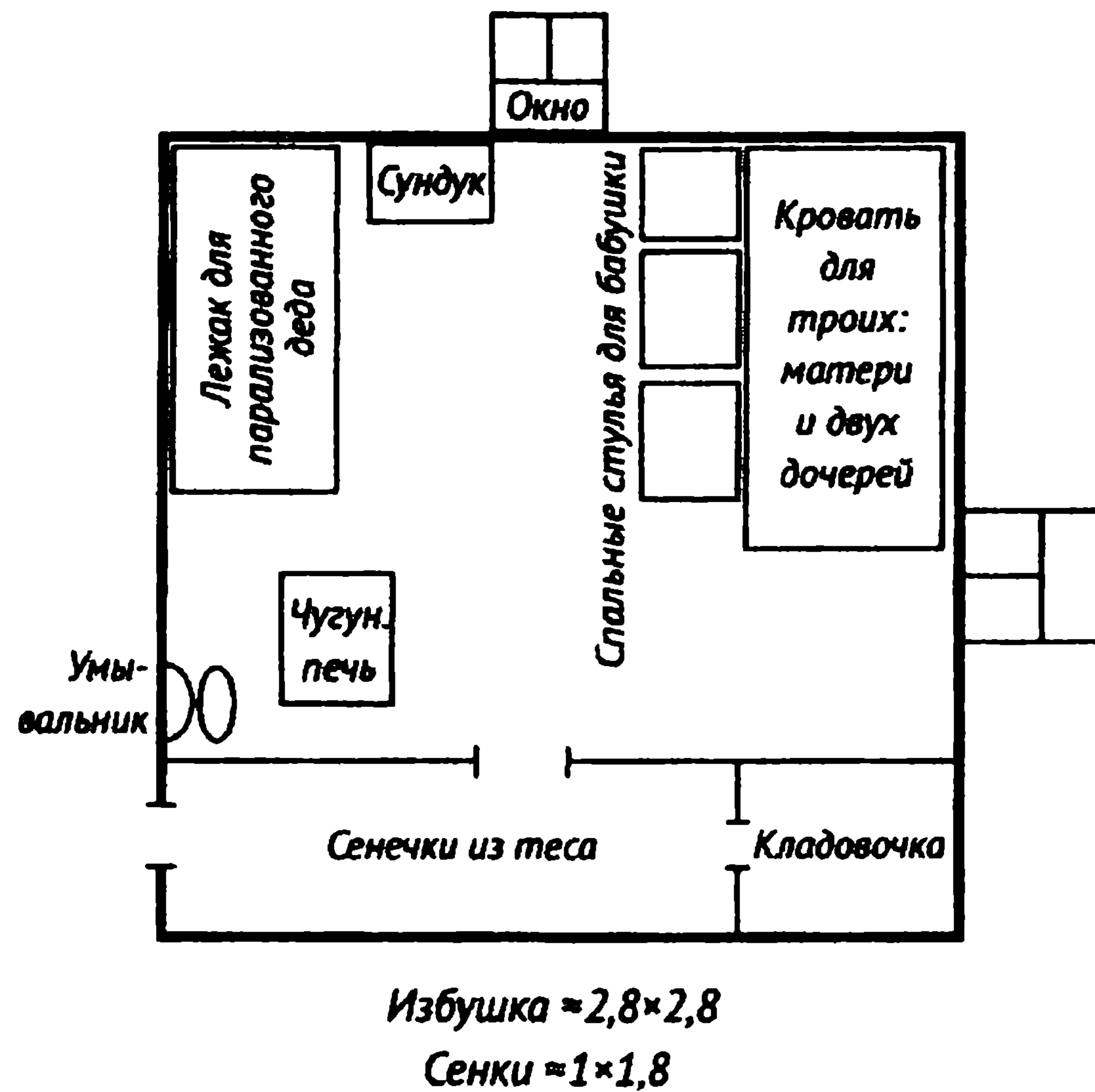

Рисунок 1. Изба. Срублена раскулаченным Андреем Гавриловичем Нескоромных. Село Кривляк Туруханского (позже Ярцевского) района Красноярского края. Рисунок внучки Л.А. Соколовой (1935 г.р.). г. Барнаул.

Чтобы осилить эту работу, раскулаченные объединялись и совместными силами строили большие землянки с углублением в землю. В таких помещениях земляные стены обкладывали бревнами. Вот как рассказывала о таком жилище в Нарымском крае С.С.Нечаева: «стали бараки строить: выкопаем метра два, рубим сосняк и обкладываем, а потом крышу из бревен сверху, и землей засыпали. Потом лес корчевали (под огороды и посевики), лопатами вскопаем и сеяли весь май. Копали лопатой - все руки сбивали».

Такие земляные жилища с углублением в землю были наиболее теплые, уходило меньше топлива для обогрева, меньше леса на строительство и другие преимущества в условиях ограниченных возможностей. Многих раскулаченных привозили в места ссылки к зиме. Так было и с депортированными немцами, которых депортировали в августе 1941 года. В суровых условиях севера именно землянка в ее классическом стиле с углублением в землю оказалась наиболее доступным, быстрым, требующих меньших сил и затрат жилищем. Для земляного дома во всех его вариантах было характерно углубление в землю со ступенями не снизу вверх, а сверху вниз. О «землянушке» своей мамы рассказала Л.А.Соколова (1935 г.р.). У.А.Успенская была сослана со своим отцом и мамой в Красноярский край, где в 1932 г. вышла замуж, а в 1949 году, получив разрешение, вернулась из с. Кривляк Красноярского края на Алтай (ст. Озерки Тальменский район) с двумя дочерьми и выжившей в ссылке матери Е.А. Нескоромных (1863 г.р.). Эта семья из четырех женщин жила в землянушке: «с улицы прямо земляные ступени вниз, на них брошены сосновые колья, чтобы не обваливались..... Махонькая комнатка. Слева – печка. Между печкой и стенкой доска уложена, там спала бабушка. Она была маленькая и сухонькая... Как она только там умещалась?! Садилась на выходящий конец доски... и прямо падала туда, спиной на доску..., за печку... А мы с мамой спали на кровати. Прямо справа от двери кровать стояла. Спали у нее в ногах... Иногда табуреты подставляли к кровати, и, тогда, бабушка спала с нами, на табуретах... Окошко маленькое по земле и махонький столик около него... Вот и все...».

«Землянка» наиболее часто встречаемое в материалах интервью раскулаченных и депортированных название жилища. Однако, под этим понятием скрывается земляное жилье в разных его вариантах. Отсюда и разные названия «землянка» «землянуха» «дерновый» «из дерна» «завалюшка», «пластянушка» и другие. Именно в широком распространении этого архаичного типа проявляются адаптационные свойства традиционной культуры, мобилизация народных умений в экстремальных условиях. Разные способы строительства земляного дома были хорошо известны крестьянам, широко апробировались в жилой среде в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX века.

В строительстве земляного жилища по рассказам разных групп репрессированных выявлена определенная разница, обусловленная как природно-климатическими условиями, так и разными этнокультурными традициями апробированными в местах выхода. Так, раскулаченные сибирские крестьяне почти не дополняли срубное строительство глиной и соломой, что было характерно для большинства депортированных – немцев, украинцев, болгар и т.д. Немцы в с. Калмыцкие Мысы (Поспелихинский район) «выкопали себе землянку, вымазали и так мы жили». (М.Е. Крафт, 1927 г.р.) Это подтверждают и многочисленные свидетельства старожилов алтайской деревни, связывающих традиции штукатурки и побелки с депортированными: «Я-то в войну немку наняла, та мне оштукатурила», или «штукатурила в войну какая-то хохлушка, а потом сами научились».

Именно у депортированных встречаются наибольшее количество наименований землянок, что отражало широкий спектр мест выхода разных категорий репрессированных и их этнокультурных традиций по использованию подручных средств, заменяющих срубный материал – глина, солома, навоз, песок, чаша, валежник, дерн. Для депортированной семьи Э.Ф. Руссковой «на лето мы себе землянки повыкапывали. Мама накладет прутьев сверху на палочку (аналог матки). А сверху она их закапывала землей.... Мы не белили, а гавном помажем пол, чтобы пыли не было и стены тоже... Жили как попало... Да щас скотина лучше живет...».

Все многообразие жилища можно классифицировать по строительному материалу, по технологии, по типу. По строительному материалу «земляные» (землянка, пластанка), глиняные (мазанка, саманник, литуха), камышитовые (каркас из камыша). По технологии среди земляных жилищ описывались «копанки» – жилища с углублением в землю и стенами обложенными кольями и «дерновые» – тоже углублялись, а над землей стены формировались пластами дерна. Последнее жилище часто называли «пластанки»: «Построили одну пластанушку [от слова «пласт» – слой земли с травой, использовался для сооружения стен] 1,5 метра в землю и сверху дерном». (Цаберт К.А., 1935 г.р., с. Кривое, Панкрушихинский район). Вспоминают, что практически каждую весну приходилось переделывать землянки, так как жилье подвергалось подтоплению талыми водами.

Из глиняных жилищ в степной степных депортированные часто прибегали к строительству саманных домов – «саманник», «самануха». «У тетки жили, пока у нас картошка была, потом она нас выгнала. Братья нашли какую-то саманушку и вместе с коровой, зиму жили» (Бендер Берта Генриховна, 1924 г.р., с. Хлебороб, Поспелихинский район). При этом в годы депортации саманный дом, прежде всего, был доступен, тем, что позволял обойтись без деревянного стройматериала. Как известно, в годы войны существовала огромный дефицит дерева, в т.ч. топлива (по воспоминаниям – солома, сосновые шишки, сушняк, валежник, осенний сухостой – засохшая осенью полынь, репей, борщевник, который можно было собирать всю зиму и т.д.). Именно в это время были сожжены и многие крупногабаритные деревянные орудия труда домашнего ремесла – льняные мялки, кросны, козлы и т.п. Даже встречаются рассказы о спиливании выступающих при складывании срубов «в обло» или «в угол» концов бревен сруба избы. А при других технологиях глиняного строительства – литья стен, валькования или каркасного строительства нужны были доски для формовки стен. Их, по воспоминаниям, берегли в каждой деревне и передавали из рук и руки при строительстве. Поэтому каркасные дома с технологией литья и плетения в 1930-1940-х гг. депортированными не использовались. Они получили распро-

странение уже в послевоенной алтайской деревне.

Для местных жителей, особенно лесостепного и горно-таежного Алтая саманные дома ассоциировались с этническими депортированными, тогда как у сибиряков в таких экстремальных условиях преобладали землянки. Так, Т.А. Чепурных распространение саманного строительства в Зональном районе связывала с армянами: «ну их почему-то на ту сторону вывезли, они там строились. Они делали дома сами. Ямы выкапывали, туда солому, глину топтали. Саманные дома. А русские землянки копали». М.Д. Кожемякин (1932 г.р.) так и говорит: «Армяне это вздумали такое строительство (саманное). И настоящее строительство. Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» [4: 366].

Однако еще в период массовых крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX-го века, как показывают источники, саманное строительство использовалось переселенцами. Более того, российским правительством оно было отнесено к «здоровому» жилищу и рекомендовано для домообзаведения, но на второе место по качеству, после срубного. Правда, необходимо заметить, что чиновники по крестьянским делам жаловались на нехватку мастеров саманного строительства в крестьянской среде. Преобладали же в первоначальный период обустройства землянки, пластанки, мазанки [10].

Технологические особенности между этими типами избы, как однокамерного жилища, отражаются в лексике. Общим термином для землянок было «копать» зямлянку: «Привезли в степь (Казахстан), песок горячий, жара... как свиней. И сами себе землянки копали...» (А.Б. Мейлер, 1929 г.р., с. Зятьково, Панкрушинский район) В отличие от других типов традиционного жилья - «лить» избу (хату) в каркасном строительстве; «строить» избу (хату) – из самана. Сами рассказчики не вникают в эти различия, в их рассказах путаются технологии и типы домов. К.П. Геер (Зональный р-н) рассказывал: «Сначала делали саман. Делали землянки, жить стали за лесом...».

Таким образом, репрессированные сибирские крестьяне в экстремальных условиях высылки предпочитали «земляное

жилище» в виде землянок и дернового дома. В лексике старожилов они редко разграничиваются, хотя встречаются понятия «землянка», «дернуха». Но рассматривали его как временный вариант в силу разных причин, в частности, его непрочности. Не имея прочной связки в виде глиняного раствора, дерновый дом быстрее приходил в негодность. Связкой земляного жилища старожилов выступали чаша, шпунты, шахматный способ укладки пластов дерна.

Депортированные широко использовали глину, как основной строительный материал и глиняный раствор для связки нестроевого материала (в т.ч. дерн, камыш, солому и т.д.). Определенную роль сыграли этнокультурные традиции. Среди депортированных много было выходцев с Кавказа, Поволжья, степного юга России, где глинобитные традиции были широко распространены, также как каркасное строительство, в т.ч. плетенное. Среди них немцы, украинцы, калмыки. Уже в конце и после войны их ряды пополнили молдаване, гагаузы, крымские татары. Так в поселке Восход, по свидетельству В.Н. Шлейник (Садовый, Третьяковский район), «Народу было...! В каждой землянке жили. И высланные здесь. С Украины все были здесь. Ой! К нам привозили и японцев. И тюряг привозили. Вот тут был коровник, построенный, и они жили тут. И японцы были, и калмыки были, и потом, евреи были, поляки были. Тут много было людей».

Таким образом, во-первых, устные исторические источники показывают высокий потенциал народной культуры. В экстремальных условиях были востребованы традиции малокамерного жилья – избы состоявшей из одной жилой комнаты с печью. Для устройства жилья использовались доступные материалы с опорой на традицию: в таежной зоне раскулаченными в 1930-е годы в суровых условиях севере Томской области и Красноярского края массово был востребован опыт срубного строительства. На юге Западной Сибири и в период раскулачивания и в период прибытия депортированных широко использовался архаичный тип земляного жилища, а депортированными разные способы глинобитных технологий. И, во-вторых, проведенные полевые исследо-

вания показывают безграничные возможности устной истории в изучении повседневности советского общества в разные периоды жизни. И от исследователя зависит акцентуация на тех или иных проблемах реконструкции повседневной жизни. При составлении устноисторических программ или проектов по истории повседневности репрессированного населения в 1930-1940-е гг., сельского населения в военное время, колхозного и совхозного быта, в том числе на центральной усадьбе, в отделениях, на бригадах включать вопросы по системе культуры жизнеобеспечения, включающую наряду с жилищем, питание и одежду.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Щеглова Т.К. Методика сбора устных исторических источников: [методическое пособие]. Вып. 2; Барнаульский государственный педагогический университет; [отв. ред. М.А. Демин]. - Изд. 3-е, испр. - Барнаул, 2006. - 22 с. - (Этнография и устная история)
2. Историческое и культурное наследие алтайской деревни: материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: [методическое пособие] / Отв. ред. Т.К. Щеглова. Вып.1. Изд. 3-е, испр. - Барнаул, 2006. - 107 с. - (Этнография и устная история)
3. Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие для студентов вузов – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2011. – 364 с.
4. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: Монография. - Барнаул: БГПУ, 2008. – 527 с.
5. Алтайская деревня в рассказах ее жителей [текст] / Под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Вигандт Л.А. – Барнаул: Алт.дом печати, 2012.
6. Программа «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие»: результаты и перспективы / Т.К. Щеглова // III научные чтения памяти Ю. С. Булыгина, 14 декабря 2004 г.: [сборник научных трудов]/Алтайский государственный университет, Управление архивного дела администрации Алтайского края; [под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимирова]. - Барнаул,

2005. - С. 40-47.

7. Deportation of nations and repression in Altai: program of the Laboratory of historical study of local lore in the Barnaul state pedagogical university / M. A. Demin, T.K. Shcheglova // *Museology - an Instrument for Unity and Diversity?: International Symposium, organized by ICOFOM in cooperation with The International Movement «From Oppression to Democracy», The Krasnoyarsk Museum and Cultural Center, The Altai State Institute of Arts and Culture, Krasnoyarsk, Belokurikha and Barnaul, Russian Federation, September, 6-13, 2003 / editorial work: Hildegard K. Vieregk [et al]. - Munchen, 2004. - P. 230*

8. Устная история (Oral History): теория и практика : материалы всероссийского научного семинара (Барнаул, 25-26 сентября 2006 г.) / Барнаульский государственный педагогический университет, Лаборатория исторического краеведения [сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова]. - Барнаул, 2007

9. Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены// Узницы «Алжира». М., 2003

10. ГАТО. Ф.3. Оп.36. Д. 3773.